

«Север» и «Юг» планеты: перспективы миграционного обмена

Доклад на Международном семинаре «Центральная и Восточная Европа в системе глобальных миграций»

Москва, 16-17 ноября 2001 г.

Полный текст

- За XX век население мира дважды удвоилось
- «Север» и «Юг» планеты на демографических весах XXI века
- Смена вектора международных миграций
- Границы миграционной емкости «Севера»
- Россия в системе миграций «Юг» - «Север»
- Миграционное давление «Юга» на «Север»

За XX век население мира дважды удвоилось

Перспективы миграционного обмена России с внешним миром, цели и задачи ее миграционной политики не могут быть поняты вне контекста складывающейся в XXI веке глобальной демографической, экономической и политической ситуации. Эта ситуация, в свою очередь, во многом - следствие небывалого демографического взрыва, который привел к почти четырехкратному увеличению населения земли за сто лет и еще не прекратился. Ожидается, что к середине наступившего столетия на Земле, население которой к началу XX века едва перевалило за полтора миллиарда человек, будет более 9 миллиардов жителей.

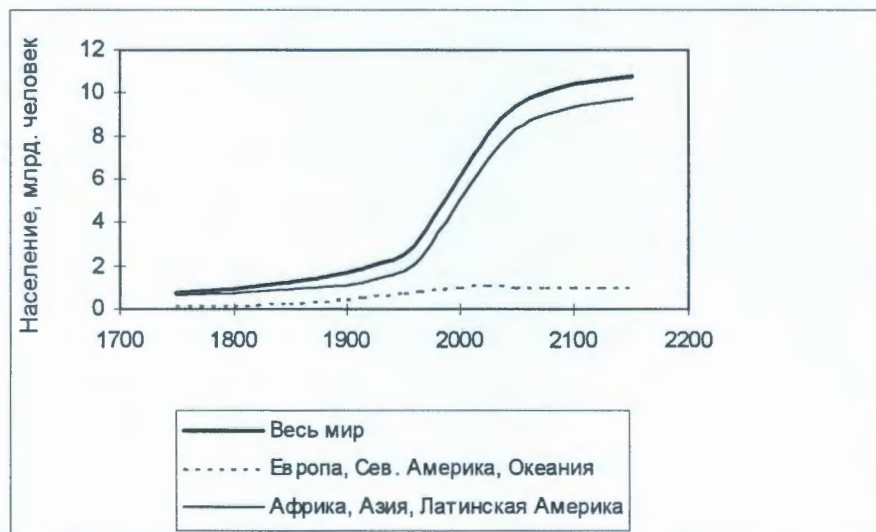

Рисунок 1. Мировой демографический взрыв

Уже давно ясно, какие огромные трудности порождает этот стремительный демографический рост, какую создает непосильную нагрузку на скромные экономические возможности большинства стран мира, на природные ресурсы планеты, на хрупкую естественную среду обитания человечества. Даже если считать, что теоретически наука и техника способны предложить ответы на все вызовы демографического взрыва (что не очевидно), надо, чтобы эти ответы были даны вовремя, а этого пока не происходит.

Не отрицая действительно очень больших возможностей экономики, науки и техники, нельзя не видеть, что стоящие перед ними задачи были бы существенно облегчены, если бы демографическая нагрузка на ресурсы всех видов была меньшей. Иными словами, для всего человечества было бы благом, если бы рост мирового населения как можно скорее прекратился и, более того, сменился бы его достаточно быстрым сокращением. В середине XX века на Земле жило 2,5 миллиарда человек, и тогда никому не казалось, что этого мало. Постепенное возвращение к такой или примерно такой численности мирового населения представляется вполне естественным и желательным результатом преодоления последствий демографического взрыва.

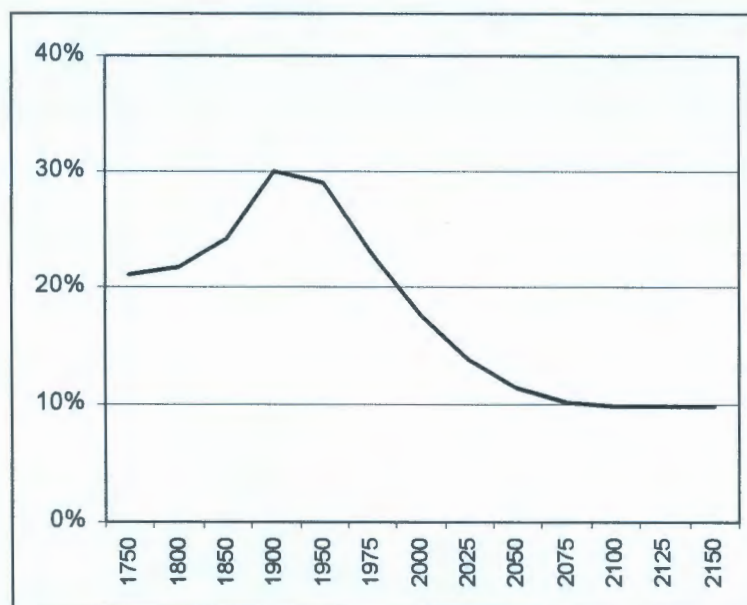
«Север» и «Юг» на демографических весах XXI века

Для планеты в целом существует всего два пути, ведущих к сокращению численности ее населения: путь повышения смертности и путь сокращения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства (для всего мира и на достаточно долгий период).

Первый путь означал бы, что человеческая цивилизация не нашла выхода из тупика, созданного вышедшим из-под контроля ростом населения, и подошла к роковой черте, за которой люди утрачивают эффективный контроль над факторами смертности – одно из главных гуманистических достижений Нового времени. Некоторые признаки такого развития событий налицо. Это и эпидемии неизвестных ранее и пока не поддающихся лечению болезней (СПИД), и возрастающая устойчивость старых болезней, и учащающиеся стихийные бедствия, и техногенные катастрофы, и военные или террористические угрозы, в том числе угрозы биотерроризма, реализация которых способна привести к гибели огромных людских масс.

Такому развитию событий противостоит второй путь. Страны европейской цивилизации, которые первыми создали высоко эффективные механизмы снижения смертности и распространили их по всему миру (одно из главных проявлений глобализации), выработали и механизмы снижения рождаемости, также постепенно проникающие во все регионы планеты.

Проблема, однако, заключается в том, что развивающиеся страны, в которых проживает большая часть мирового населения, вступают на проложенный развитыми странами путь снижения рождаемости со значительным опозданием. В результате возникает демографическая поляризация «Севера» и «Юга»: в то время как население развитых стран практически перестает увеличиваться, а иногда даже начинает сокращаться, население развивающихся стран бурно растет, и за короткое время резко изменяется соотношение демографических масс разных частей планеты. В 1900 году в странах европейской культуры (в Европе, Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии) было сосредоточено 30% мирового населения, к 2000 г. их доля в мировом населении сократилась до 18%, а в 2050 г. жители этих стран будут составлять примерно одну десятую всего населения планеты (рис. 2), владея 38% ее территории.

Рисунок 2. Доля современных экономически развитых стран в населении мира

Место России в мире также быстро меняется. Население Российской империи, по данным переписи 1897 года, составляло 129 миллионов человек - примерно 8% тогдашнего мирового населения. Сейчас население России - 146 миллионов человек - 2,4% мирового населения. А согласно среднему варианту последнего прогноза ООН (2000 года), ее население сократится до 104 миллионов человек и составит 1,1% населения мира, при том что Россия занимает почти 13% мировой суши.

Смена вектора международных миграций

Уже чисто демографическая поляризация Севера и Юга планеты, простое изменение соотношения их демографических масс становится источником усиливающегося демографического давления Юга на Север. А так как, в силу исторических причин, существует и их экономическая поляризация, нетрудно понять, что объективно создается потенциальная, а отчасти уже и реальная ситуация непрерывного нарастания демографического давления бедного и перенаселенного «Юга» на богатый и склонный к депопуляции «Север». И прежде всего это находит выражение в нарастающих миграционных потоках «Юг»-«Север».

На протяжении истории миграция не раз становилась важным инструментом глобального демографического регулирования за счет перемещения крупных масс населения из более населенных в менее населенные регионы планеты. Результатом именно этого процесса стало распространение человека по всему земному шару.

В XIX и XX веках ускорившийся рост населения Европы снова привел к включению миграционного механизма глобального демографического регулирования. При этом вплоть до середины XX века преобладало движение из экономически более развитых стран Европы, в колонизируемые регионы, в основном на неосвоенные или слабо освоенные территории Нового Света и Океании. Ускорение роста населения Европы в XIX веке сопровождалось огромным выбросом населения за ее пределы - между 1820 и 1940 годами за океан выехало более 60 миллионов человек.

Однако во второй половине XX столетия направление межконтинентальных миграций изменилось на противоположное, а их масштабы оказались намного большими, чем во второй половине XIX или первой половине XX веков. В этот период сложился мощный поток мигрантов из переживающих демографический взрыв развивающихся стран Юга планеты в промышленные страны Севера. Только за 30 лет между 1960 и 1990 годами с «Юга» на «Север» переместилось столько же людей, сколько в свое время выехало из Европы за океан за 120 лет (табл. 1), и этот поток не прекращается и не сокращается.

Таблица 1. Число иммигрантов из развивающихся стран в Северную Америку, Европу, Австралию и Новую Зеландию в 1960-1989 годах, по пятилетиям

Период	Число эмигрантов, тыс.
1960-1964	7393
1965-1969	10258
1970-1974	11379
1975-1979	9293
1980-1984	9797
1985-1989	11124
Всего	59245

Источник: Zlotnik H. Migration to and from Developing Regions: A Review of Past Trends. - In: Lutz Wolfgang, ed. The Future Population of the World. What Can We Assume Today? IIASA, Earthscan, London, 1996, p. 314.

Границы миграционной емкости «Севера»

Миграция с бедного «Юга» на богатый «Север» представляется вполне логичной, и кажется естественным ожидать, что миграционные потоки, сформировавшиеся во второй половине XX века, будут не только сохраняться, но и расширяться. В действительности же такое расширение может очень скоро встретиться с серьезными препятствиями, натолкнувшись на ограниченность миграционной емкости развитых стран.

Эти страны широко открыли двери мигрантам в тот момент, когда их собственный демографический рост замедлился, сменился стагнацией, а кое-где стал появляться и отрицательный естественный прирост населения. В ситуации послевоенного экономического роста они стали испытывать нехватку рабочей силы, особенно неквалифицированной, в связи с чем и оказались заинтересованными в притоке постоянных или временных иммигрантов из менее развитых регионов Третьего мира. Страны-реципиенты стали поощрять иммиграцию, которая и принесла им необходимую рабочую силу, что способствовало их экономическому подъему. Но и страны выхода получили немалую экономическую выгоду, не говоря уже о пользе непосредственного соприкосновения выходцев из Третьего мира с современной культурой развитых стран.

По оценке Мирового банка, в конце 1980-х годов работавшие в других странах мигранты ежегодно передавали в свои страны часть своих доходов, равную в совокупности 65 миллиардам долларов – сумма, уступавшая по величине только совокупным доходам от продажи сырой нефти¹. В начале 1990-х

¹ Kane H. Leaving home. State of the World 1995. W.W.Northon & Co. New York, 1995, p. 143.

годов получаемая странами выхода часть доходов эмигрантов составляла 31% всех доходов от внешнеэкономической деятельности Египта, 26% - Бангладеш и Иордании, 25% - Судана, 23% - Марокко и Мали и т. д.²

Таким образом, на какое-то время интересы стран выхода и стран приема мигрантов совпали, по крайней мере, частично. Однако постепенно стала обнаруживаться противоречивость найденного, казалось бы, пути.

Прежде всего, дает себя знать количественное несоответствие. Потребности развитых стран в привозной рабочей силе, особенно если она служит структурным дополнением к уже имеющимся трудовым ресурсам, ограничена, тогда как потенциальное предложение развивающихся стран практически безгранично. Согласно оценкам мировой потребности в рабочих местах, основанным на прогнозах численности населения в рабочих возрастах на период до 2050 года, для трудоустройства населения в развитых странах в 2050 году нужно будет 513 миллионов рабочих мест – на 84 миллиона меньше, чем в 1995. Населению же развивающихся стран понадобится 3928 рабочих мест – на 1806 миллионов больше, чем в 1995³. Даже если рассматривать эти оценки как в высшей степени приблизительные, нельзя усомниться в разительном несоответствии величин и вытекающей отсюда неспособности развитых стран «Севера» удовлетворить сколько-нибудь значительную часть исходящего из развивающихся стран «Юга» спроса на работу на «Севере».

Дело, однако, далеко не только в емкости рынка рабочей силы развитых стран, существуют и другие пределы их миграционной емкости. Они связаны с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т.д. До тех пор, пока количество таких иммигрантов относительно невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается, и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклав, ассимиляционные процессы замедляются и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения.

Есть и еще один чрезвычайно важный фактор, резко повышающий конфликтность ситуации и связанный с самим процессом адаптации носителей традиционных сельских культур стран Третьего мира к современной городской культуре промышленных стран. Такая адаптация с неизбежностью порождает культурную маргинализацию иммигрантов, по крайней мере, временную, кризис их культурной идентичности. Положение обостряется еще и тем, что такой кризис нарастает и в самих странах Третьего мира, постепенно продвигающихся по пути модернизации. Все они вступают в крайне болезненный этап внутреннего культурного конфликта, жесткого противостояния ценностей традиционализма и модернизма.

Этот конфликт развивается на фоне быстро нарастающих притязаний новых, порождаемых модернизацией социальных слоев и сохраняющегося, а

---

² Compiled by Worldwatch Institute from World Bank, World Development Report 1995 (New York: Oxford University Press, 1995) and on UN Dept for Economic and Social Information and Policy Analysis, Population Division, International Migration Policies 1995 (wallchart), United Nations, New York, December 1995.

³ Worldwatch Database Disk. June 2000, Table 198.

иногда и увеличивающегося экономического и социального неравенства, всеобщей бедности и т. д. Рано или поздно он затрагивает и основную массу крестьянского населения. Оно также все явственнее испытывает давление модернизационных перемен (к числу которых, кстати сказать, относятся быстрое снижение смертности и ускорившийся рост населения). Неготовность поколений, социализировавшихся в традиционных условиях, принять перемены, без которых нельзя жить в современном мире, выливается в массовое неприятие всего нового, в агрессивное отторжение всех «городских», «западных» нововведений. Повсеместно ширится смутное общественное недовольство, создающее идеальную почву для политического, идеологического, религиозного экстремизма, который может быть легко использован в любых политических целях, совместимых с неразборчивостью в средствах.

Эмигрантские анклав в развитых странах, нередко представляющие собой слепки с тех обществ, из которых они вышли, сохраняющие с ними связь и в то же время особенно раздираемые противоречиями культурной идентификации, маргинальные в странах приема, часто оказываются весьма чувствительными к упрощенным «фундаменталистским» идеям, помогающим избавиться от культурной раздвоенности и, как кажется, вновь обрести свое целостное «я». Но при этом процесс ассимиляции блокируется, и многие (хотя, конечно, не все) иммигранты оказываются в оппозиции к принимающим их обществам.

Эта противоречивая ситуация, равно как и несоответствие спроса и предложения на рынке труда все больше ощущаются уже сейчас. Промышленные страны, использующие иностранную рабочую силу, начинают осознавать ограниченность своей иммиграционной ёмкости, в них возникает конкуренция «своих» и «чужих» за рабочие места, разворачиваются дебаты вокруг проблемы иммиграции, которая становится важной картой в политической игре, нарастают антииммиграционные настроения и усиливаются меры по ограничению притока мигрантов.

Россия в системе миграций «Юг» - «Север»

Будучи объективно частью «Севера», Россия не составляет исключения из общего правила, хотя имеет существенные особенности.

С одной стороны, она уже сейчас больше других стран нуждается в притоке иммигрантов. Это обусловлено, прежде всего, демографическим фактором: страна имеет огромную слабо заселенную территорию, а численность ее населения необратимо сокращается. В условиях экономического подъема Россия столкнется – и, кажется, уже сталкивается – с дефицитом трудовых ресурсов, что еще более повысит ее заинтересованность в притоке иммигрантов.

Однако, с другой стороны, «спрос» России на иммигрантов, как и везде, наталкивается на ограничения, может быть, даже более жесткие, чем во многих других странах «Севера». Сейчас главное из них – позиция общественного мнения. Во многих европейских странах антииммиграционные настроения возникли как реакция части общества на реальное присутствие значительного числа иммигрантов. В России же неблагоприятное отношение к иммиграции, возможно, унаследованное от жесткого «советского» деления на своих и чужих, а, может быть, имеющее и более давние корни, обозначилось еще до того, как сформировались сколько-нибудь значительные потоки иммиграции. Оно распространяется даже на иммиграцию «соотечественников» - бывших граждан СССР, русского или русскоязычного населения новых постсоветских государств. В

стране сложилась своеобразная мифология, преувеличивающая как количество иммигрантов (в то время, как миграционные потоки, во всяком случае, регистрируемые, непрерывно уменьшаются), так и негативные последствия их присутствия.

В то же время, если отвлечься от явно мифологических аргументов, нельзя не видеть, что какие-то достаточно близкие границы миграционной емкости России существуют и объективно. Как и везде, они связаны и с положением на рынке труда, и, в особенности, с «пропускной способностью» адапционных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации и культурной ассимиляции. Но в России приходится учитывать еще и некоторые геополитические факторы. В частности, массовый приток китайцев на российский Дальний Восток, если бы он имел место, не только не вел бы к глубинной культурной ассимиляции (ввиду непосредственной близости мощного собственного культурного материка), но и мог бы рано или поздно привести к активизации существующих территориальных притязаний Китая.

Разумеется, границы миграционной емкости России, как и любой другой страны, нельзя рассматривать как очень жесткие. Миграционная емкость может быть увеличена путем проведения специальной политики, направленной на расширение «узких мест», при условии, конечно, что такая политика занимает высокое место на шкале политических приоритетов, проводится достаточно энергично и последовательно и имеет необходимое финансовое обеспечение. Ее ядром должны быть меры по ускоренной интеграции прибывающих мигрантов в российское общество. Но и такая политика может лишь несколько раздвинуть границы миграционной емкости, но не может их устранить.

Миграционное давление «Юга» на «Север»

Оценивая перспективы миграционного перераспределения населения мира в наступившем столетии, нельзя не видеть его больших отличий от двух предыдущих периодов эры современных миграций: второй половины XIX – первой половины XX века и второй половине XX века.

Население Европы (включая Россию), откуда шел основной поток мигрантов в первый из этих периодов, не достигало 300 миллионов человек в середине XIX и не превышало 550 миллионов человек в середине XX века. По отношению к этому населению 60 миллионов эмигрантов были весьма заметной величиной – около 15% европейского населения 1900 года. Основные миграционные потоки из Европы направлялись на очень слабо заселенные земли, но даже и в этом случае не удавалось избежать конфликтов с местным населением, которое, как правило, преодолевалось силой. Тем не менее, в этот период, благодаря заокеанской эмиграции из Европы, были созданы новые современные экономически развитые государства, и в целом экономический и социальный итог этой эмиграции был, скорее, положительным.

К началу XXI века население «Юга» - главного поставщика эмигрантов на «Север» - превысило 5 миллиардов человек. По сравнению с этим населением, те же 60 миллионов эмигрантов за несколько десятилетий - ничтожная величина, хотя это все же, в среднем, 2 миллиона человек в год – для принимающих стран не так уж мало. Но эти ежегодные 2 миллиона иммигрантов прибывают из стран Третьего мира, население которого все еще остается маломобильным. А ведь так будет не всегда. Модернизационные процессы неизбежно повышают мобильность населения развивающихся обществ, что, в сочетании с продолжающимся ростом его численности и углублением экономического и социального неравенства между богатым «Севером» и бедным «Югом», неизбежно

приведет к взрывоподобному росту числа желающих эмигрировать с «Юга» на «Север».

Даже если предположить ситуацию, симметричную европейской ситуации столетней давности, – ежегодную эмиграцию в страны «Севера» 0,1% населения «Юга» (примерно столько ежегодно выезжало из Европы в конце XIX-начале XX в., хотя в пиковые годы доля эмигрантов достигала 0,5% ее населения), то эти страны должны будут принимать 6-7 миллионов человек в год. А действительное число желающих уехать из перенаселенных и сотрясаемых социальными конфликтами бедных стран может оказаться и большим. Можно почти не сомневаться, что при таком развитии событий в наступившем столетии ограниченная миграционная емкость государств «Севера», даже если их круг несколько расширится за счет некоторых «переходных» стран, окажется намного меньшей, чем соответствующие потребности «Юга».

Как будет разрешаться это противоречие?

Развитые страны-реципиенты привыкли думать, что именно они контролируют миграционные потоки. Так, по-видимому, думают и российские власти, полагающие, что все ключи находятся в их руках: как они решат, так и будет, спорить можно лишь о том, какое решение оптимально с точки зрения внутренних интересов России.

Эта логика соответствует тому этапу миграционного взаимодействия «Юга» и «Севера», который уже закончился. На том этапе главный «мотор», приводивший в движение миграционные потоки, действительно находился в странах-реципиентах. Но коль скоро такие потоки сложились, они приобрели свои собственные движущие силы и, нарастая, все меньше считаются с волей стран-реципиентов и все больше отражают ситуацию в странах-поставщиках мигрантов. Когда легальные миграционные каналы, предоставляемые странами-реципиентами, оказываются слишком узкими, возникают нелегальные каналы, что и происходит на наших глазах. По некоторым оценкам, конечно, весьма приблизительным, в середине 1990-х годов число нелегальных мигрантов в США приближалось к 5 миллионам, в Европе – к 3 миллионам⁴. Проблема незаконной миграции все явственнее выходит на первый план, включается в число проблем, в наибольшей степени занимающих политиков и общественное мнение в странах-реципиентах.

За всем этим как раз и стоит миграционное давление «Юга» на «Север», которое несомненно будет быстро нарастать и контролировать которое будет с каждым годом сложнее. Какое-то время будет с переменным успехом идти соревнование «брони» и «снаряда», будут совершенствоваться как способы миграционного контроля, так и способы нелегального проникновения в обход этого контроля, дальнейшее же развитие событий предсказать трудно. Ясно одно: в XXI веке коллизия между миграционным давлением «Юга» на «Север», с одной стороны, и ограничительными мерами «Севера», с другой, неизбежно обострится.

Сейчас невозможно предвидеть все возможные варианты разрешения этого противоречия. Нынешние прогнозы мирового населения, разрабатываемые ООН и независимыми исследователями, обычно не отводят миграциям «Юг» - «Север» большой роли в межрегиональном перераспределении населения, но это отражает, скорее, позицию стран «Севера», нежели реальную ситуацию, которая может сложиться в мире в тот или иной момент будущего.

---

⁴ Ronald Skeldon. Myths and Realities of Chinese Irregular Migration. IOM Migration Research Series, 1/2000, p. 12.

Демографическое давление «Юга» на «Север» способно принять самые разные формы, при определенных критических обстоятельствах может соединиться с военно-политическим давлением, привести к крупномасштабной перекройке политической карты мира и т. п. На фоне такого рода угроз рутинная экономическая миграция, позволяющая «выпускать пар» из перегретого котла «Юга», укреплять мосты между «Севером» и «Югом» и не доводить дело до взрыва, выглядит все же менее опасным решением. Но считать его абсолютно безопасным тоже нет оснований.

Поэтому размышления о стратегической перспективе «Севера», а значит и любой входящей в него страны, привлекательной для мигрантов, требуют весьма внимательного изучения всего глобального миграционного контекста и выработки решений, может быть, очень нетривиальных. Ограничительный миграционный контроль, отделяющий законных иммигрантов от незаконных, скорее всего, надолго станет важнейшим элементом миграционной политики таких стран. Но отказаться от приема законных иммигрантов, может быть, и довольно многочисленных, развитые страны не смогут, а для такой страны, как Россия, это было бы и вовсе неразумно. Поэтому главным звеном, истинным ядром миграционной политики стран-реципиентов должен быть все-таки не полицейский контроль. Им должна стать система очень серьезных мер по ускоренной всесторонней интеграции законных иммигрантов и их детей в принимающие общества. Выработать такую систему мер, создать необходимые для этого институты, обеспечить их соответствующими ресурсами намного сложнее, чем ужесточить пограничный контроль или повсеместную проверку документов. На это придется потратиться – по крайней мере, тем, кто хочет с наименьшими потерями встретить и этот вызов XXI века.